

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

PHENOMENOLOGY OF SOVIET SOCIETY

DOI: 10.31249/rsm/2023.03.09

А.В. Шубин

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИКИ «ЕДИНОГО ФРОНТА» КОМИНТЕРНА НА ФОНЕ СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ 1921–1922 г.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению политики Коминтерна в контексте внешней политики советского государства в 1921–1922 гг. Автор показывает, что динамика политики Коминтерна не была прямо привязана к советскому внешнеполитическому курсу и повороту к НЭПу в марте 1921 г. У Коминтерна была своя внутренняя логика развития. С его помощью коммунистическое руководство могло маневрировать между более радикальным процупыванием готовности капиталистического мира к новой волне революционной дестабилизации либо умеренной политикой длительной «осады» капитализма, что предполагало сближение с социал-демократией под лозунгом «единого рабочего фронта». К началу 1922 г., после острых дискуссий накануне и в ходе III конгресса Коминтерна, его политика постепенно синхронизировалась с внешнеполитическим курсом Советской России, что позволило использовать сближение с западноевропейской социал-демократией в интересах НКВД. Однако дипломатический выигрыш от этого оказался незначительным, и после неудачи Генуэзской конференции Коминтерн продолжил проведение политики «единого фронта» уже вне непосредственной связи с задачами НКВД, а в качестве основы коммунистической стратегии борьбы за приход к власти в странах Западной Европы. При этом, как во время переговоров с социал-демократами, так и в планировании революционных действий на IV конгрессе Коминтерна, коммунисты исходили из приоритета своей монополии на власть, рассматривая политику союзов и уступок как тактическую и временную, отказываясь от «политического нэпа» и плюралистической модели многопартийного демократического социализма.

Ключевые слова: Коминтерн; Генуэзская конференция 1922 г.; Ленин; Зиновьев; Радек; мартовская акция 1921 г.; единый рабочий фронт.

Шубин Александр Владленович – доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.
Россия, Москва.
Email: historian905@gmail.com

Shubin A.V. Formation of the «united front» policy of the Comintern and the Soviet foreign policy of 1921–1922

***Abstract.** The article is devoted to the consideration of the policy of the Comintern in the context of the foreign policy of the Soviet state in 1921–1922. The author shows that the dynamics of the Comintern's policy were not directly tied to the Soviet foreign policy course and the turn to the NEP in March 1921. The Comintern had its own internal logic of development. With its help, the communist leadership could maneuver between a more radical probing of the capitalist world's readiness for a new wave of revolutionary destabilization or a moderate policy of a prolonged «siege» of capitalism, which implied rapprochement with social democracy under the slogan of a «united workers' front». By the beginning of 1922, after sharp discussions on the eve and during the III Congress of the Comintern, its policy gradually synchronized with the foreign policy course of Soviet Russia, which made it possible to use the rapprochement with Western European social democracy in Soviet foreign interests. However, the diplomatic gain from this turned out to be insignificant, and after the failure of the Genoa Conference, the Comintern continued to pursue a «united front» policy no longer directly related to the tasks of the NKID, but as the basis of the communist strategy of the struggle for power in Western Europe. At the same time, both during negotiations with the Social Democrats and in planning at the IV Congress of the Comintern, the Communists proceeded based on the priority of their monopoly on power, considering the policy of alliances and concessions as tactical and temporary, abandoning the «political NEP» and the pluralistic model of multiparty democratic socialism.*

***Keywords:** Comintern; the Genoa Conference of 1922; Lenin; Zinoviev; Radek; the March action of 1921; the United Workers' Front.*

**Shubin Alexandr Vladlenovich – Doctor of Historical Sciences,
Chief Researcher at the Institute of World History
of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.
Email: historian905@gmail.com**

Советская внешняя политика 1921–1922 гг. не обижена вниманием историографии [см., например: Быстрова 2000, с. 9–13]. Это время активной дипломатической борьбы за выход Советской России из международной изоляции, встречного стремления части западноевропейских политиков к послевоенному урегулированию на Востоке Европы, заключения советско-британского торгового соглашения 16 марта 1921 г., Рижского мира 18 марта 1921 г., эпической Генуэзской конференции, на полях которой было заключено советско-германское Рапальское соглашение 16 апреля 1922 г., а также Гаагской конференции, несколько двусмысленно завершившей этот драматичный период. Несмотря на неудачу попытки всестороннего урегулирования политико-экономических отношений на Востоке Европы, события 1922 г. сформировали рамку, в которой затем происходила «полоса признаний»

СССР. При описании дипломатических перипетий в дипломатическом контексте иногда упоминается политика Коминтерна. Но в целом историография Коминтерна развивается по своей логике, уделяя внимание этому периоду как важному этапу эволюции стратегии коммунистического движения [Ватлин 2009, с. 73–106; История Коммунистического Интернационала 2002, с. 36–39; Макдермотт, Агню 2000, с. 43–57; Левая альтернатива 2020]. В центре внимания исследователей истории Коминтерна этого периода (как и коммунистов того времени) оказывается политика «единого рабочего фронта», которая имеет корни прежде всего в самом коммунистическом движении, но коррелируется и с внешнеполитическими задачами Советской России, и с внутривнутриполитическим «отступлением» новой экономической политики (НЭП). Эта самоочевидная корреляция, тренд к умеренности, как бы избавляет исследователей от детализации соотношения этих трех аспектов коммунистической политики. Для исследователей советской внешней политики Коминтерн прилагается к ней как инструмент Москвы, исследователи Коминтерна соотносят его эволюцию с обстоятельствами политической борьбы в странах, где компартии приобрели влияние, а также с ситуацией внутри России, которая уже опосредованно связана с динамикой внешней политики. Интересно было бы более детально проследить синхронизацию и асинхронность развития этих трех аспектов коммунистической политики: внутривнутриполитическая эволюция коммунистического режима в начале НЭПа, советская внешняя политика (с кульминацией в Генуе) и политика Коминтерна, выдвинувшего линию «единого фронта». Данная статья посвящена рассмотрению политики Коминтерна в контексте политики советского государства. Наша задача – не только проследить взаимовлияние политики Коминтерна и советского правительства – как внутренней, так и внешней, но и рассмотреть их как проявление целостности политики коммунистического центра.

Коминтерн идет не в ногу

Новая страница истории России и ее внешней политики отчасти случайно, но глубоко закономерно начинается одновременно – в марте 1921 г. X съезд РКП(б) провозглашает НЭП в то же время, когда подписываются советско-британское и советско-польское соглашения. Связь двух последних очевидна – переговоры в Лондоне в 1920 г. были поставлены на паузу как раз в связи с походом Красной армии на Варшаву. Теперь, когда заключался мир на польских условиях, не было препятствия и для приоткрытия торговых отношений с «Советами», за которым логично следовало открытие более масштабных переговоров по урегулированию экономических противоречий капиталистических и прокоммунистических государств. Повестка западноевропейской

политики Советской России на 1922 г. таким образом была сформирована. Как и повестка внутренней политики – логично, что признав неудачу «военно-коммунистической» попытки вырваться из капитализма, теперь коммунисты «учились торговать» и внутри страны, и за ее пределами. Отметим, политических уступок со стороны коммунистического режима это не предполагало, хотя ожидание «политического нэпа» сохранялось за пределами Кремля. Казалось бы, это общее отступление к капитализму во внешней и внутренней политике в условиях явного завершения прилива мировой революционной волны требовало и более умеренного курса от Коминтерна [Шубин 2020, с. 754–771]. Но в марте 1921 г. зарубежные коммунисты демонстрировали нечто прямо противоположное – восстание в Германии, с оговорками одобренное руководством Коминтерна. Динамика политики Коминтерна не была прямо привязана к советскому повороту от «военного коммунизма» к «торгашеству» (и экономическому, и внешнеполитическому). Первый шаг к умеренности Коминтерн сделал еще во время «военного коммунизма», а решительный поворот – существенно позднее X съезда РКП(б). У Коминтерна была своя внутренняя логика развития, но это не значит, что она была оторвана от политики Кремля, который с помощью партий Коминтерна мог «прощупывать» ситуацию, действуя то более умеренно, то более решительно (что было рискованно внутри России, где восстания поставили коммунистический режим на грань катастрофы).

Вектор мирового развития сменился, но в 1921 г. было неясно, насколько. Раньше происходил натиск обездоленных масс на капитал, теперь – отступление социальных движений. Части коммунистических лидеров, включая и российских, казалось, что еще можно попытаться все же переломить ситуацию, воспользоваться бедственным положением рабочих, когда отчаяние масс и неуступчивость мирового капитала приведет к мировому взрыву. Но если нет – придется перейти к «осаде» капитализма, к взаимодействию с менее радикальной частью рабочего класса и левой интеллигенции, а значит – с социал-демократами (социалистами), от которых коммунисты столь решительно отмежевывались в 1920 г. [Ватлин 2019; Шубин 2020, с. 374–416; Коммунистический интернационал 1969, с. 149].

К началу 1921 г. в партиях Коминтерна в несоветских странах состояли 760 тыс. членов. А в социал-демократических партиях – около 3 млн, в профсоюзах Амстердамского интернационала – 22 млн человек [Коммунистический интернационал 1969, с. 149].

Имея столь скромную армию, перейти в контрнаступление коммунистам было нелегко. Как лучше это сделать – решительным ударом радикального меньшинства, увлекающего массы за собой, или выстраиванием фронта, в который войдет большинство рабочих, чтобы навалиться на капиталистов общими усилиями?

Эта альтернатива вызывала разногласия в самом ядре Коминтерна. Такие его руководители, как К.Б. Радек, приходили к выводу, что слишком резкое размежевание с социал-демократами изолировало коммунистов от широких масс, что раскол лишает рабочий класс возможности перейти в контрнаступление. Против поворота к союзу с социал-демократами выступали председатель Исполкома Коминтерна (ИККИ) Г.Е. Зиновьев и видный коммунистический теоретик Н.И. Бухарин. В.И. Ленин колебался и готов был экспериментировать. Перспектива снова оказаться в одной компании с «социал-предателями» его не радовала, но изоляция коммунистов от более умеренных масс лишала не только надежд на победу мировой революции, которая еще недавно мерещилась на горизонте, но и эффективного средства воздействия на политическую ситуацию в Европе, которым могут стать влиятельные компартии. За каждой из этих позиций стояло множество коммунистических лидеров в европейских странах и связанные с ними массы активистов.

Первый ход в новом витке борьбы среди коммунистов сделали умеренные лидеры Объединенной коммунистической партии Германии (ОКПГ). Прагматичные лидеры ОКПГ, такие как П. Леви и К. Цеткин, усиленные левыми социалистами из перешедших в партию «независимцев», такими как Э. Деймиг, стремились создать влиятельную партию, накапливающую силы, пока не возникнет возможность взять власть наверняка. Им противостояли рвавшиеся в бой лидеры во главе с Г. Брандлером, А. Тальгеймером и Э. Тельманом (тоже бывшим «независимцем»). Они придерживались «теории наступления», т.е. верили в то, что рабочий класс Германии готов к свержению капитализма – нужно только увлечь его в бой.

7 января 1921 г. ЦК ОКПГ по инициативе его умеренных лидеров и представителя Коминтерна Радека приняли судьбоносный документ – «Открытое письмо» к профсоюзам и левым партиям Германии с призывом к совместным действиям против наступления капитала, к созданию для этого «единого фронта» (опубликовано 8 января). На заседании ИККИ в феврале Зиновьев и Бухарин раскритиковали эту идею [Дмитриев 2004]. Она вызвала недовольство и в самой ОКПГ. Для ее левого крыла и для значительной части Коминтерна это письмо было страшным грехопадением – ведь весь 1920 г. Коминтерн только и делал, что размежевывался с социал-демократами.

Пока в Германии готовилась схватка между радикальным и умеренным крыльями ОКПГ, за каждым из которых стояли влиятельные коминтерновские деятели, внимание и Коминтерна, и германских коммунистических лидеров резко переключилось на Италию. 15 января 1921 г. в Ливорно открылся XVII съезд входившей в Коминтерн Итальянской социалистической партии (ИСП), который закончился громким расколом. Левое меньшинство вышло из ИСП и основало Коммунистическую партию Италии (КПИ). Москва полностью поддержала раскольников. 25 января 1921 г. Исполком Коминтерна

(ИККИ) в обращении к лидерам КПИ объявил: «Ваша партия является единственной секцией Коммунистического Интернационала в Италии» [Итальянская социалистическая партия 1921, с. 149].

Леви и Цеткин, вовлеченные в итальянские дела как представители Коминтерна, критиковали поведение итальянских левых и ИККИ, из-за которых Коминтерн потерял влиятельную итальянскую партию, а получил сектантскую и маловлиятельную организацию.

Дискуссия по итальянскому вопросу продолжилась в ЦК ОКПП, который 1 февраля принял компромиссное решение по этому вопросу, но левое крыло при поддержке представителя Коминтерна венгра М. Ракоши собрало расширенный пленум ЦК ОКПП 23 февраля, на котором лидер итальянских левых социалистов Д. Серрати подвергся резкому обличению, что било по авторитету умеренных лидеров ЦК ОКПП. В ответ П. Леви, Э. Деймиг, К. Цеткин, секретарь партии О. Барс и заместитель секретаря А. Гофман вышли из ЦК. Но это лишь развязало руки леворадикальным членам ЦК ОКПП. Они искали повода, чтобы двинуть массы в решительный бой. И повод представился благодаря внешнеполитической ситуации.

14 марта 1921 г. закончились неудачей переговоры о репарациях между Германией и державами Антанты. Французские и бельгийские войска вошли в Рур, Дюссельдорф и Дуйсбург. Стремясь укрепить контроль над оставшейся территорией, германское правительство решило ввести войска в Саксонию, где происходили волнения рабочих. 19 марта 1921 г. полиция начала на предприятиях в Айслебене операции по поиску оружия, спрятанного после Капповского путча год назад. Радикальные рабочие и ЦК ОКПП восприняли эту акцию как достойный повод для вооруженного выступления. Действия полиции были именно поводом, а не причиной столкновения. Еще 18 марта «Роте фане» писала: «Каждый рабочий плюет на закон и приобретает себе оружие там, где находит его» [Deutschland, Russland, Komintern 2015, S. 140]. 21 марта по призыву ОКПП началась забастовка с захватами предприятий рабочими. Вспыхнули бои. Восстание было подавлено. 1 апреля ОКПП призвала к прекращению стачки. «Мартовская акция» закончилась провалом.

17 апреля Леви изложил свой взгляд на мартовское восстание в брошюре «Наш путь. Против путчизма». 22 апреля за эту публикацию ЦК исключил его из ОКПП. Коминтерн санкционировал это решение, так как Леви «вынес сор из избы». Как видим, ОКПП шла не в ногу с РКП(б), устроив восстание одновременно с поворотом большевиков к умеренности.

Раз Леви оказался врагом, то левые радикалы в ОКПП считали себя идейными победителями и ждали одобрения от грядущего III конгресса Коминтерна. К нему Тальгеймер подготовил тезисы по итогам «Мартовской акции», которые были приняты Централом (то есть заседанием ЦК и представителей окружных организаций). Это конечно была хорошая мина при плохой игре.

ОКПГ хвалила провалившееся выступление за то, что рабочие «вышли из стагнации», произошел «прорыв пассивности и гражданского мира», а социал-демократы в очередной раз «разоблачили себя как контрреволюционные силы» [Дмитриев 2004, с. 132].

Ленин, недовольный ситуацией вокруг Германии, назвал эти тезисы «фразой и игрой в левизну». Руководство ОКПГ и его венгерские кураторы слишком уклонились влево и провалились. «Суть дела в том, что Леви политически в очень многом прав. К сожалению, он сделал ряд поступков, нарушающих дисциплину, за которые партия его исключила». То есть исключение Леви не означает, что идеологически правы те, кто его исключил. Даже Радека Ленин критикует за уступки «глупячеству левых». Ленин сделал ставку на работу в старых профсоюзах и политику сближения с социал-демократами, о чем безапелляционно сообщил Зиновьеву: «Тактика “открытого письма” обязательна повсюду. Это надо сказать прямо, точно, ясно, ибо колебания насчет “открытого письма” архивредны, архипозорны и архираспространены. Нечего греха таить. Всех, кто не понял этой обязательности тактики “открытого письма”, не позже, как через месяц после III Конгресса Коммунистического Интернационала исключить из Коммунистического Интернационала» [Ленин т. 52, с. 265–267]. Мартовская акция оказалась досадным отклонением от курса, намеченного в январе 1921 г.

От III конгресса Коминтерна к политике «единого рабочего фронта»

22 июня – 12 июля 1921 г. проходил III конгресс Коминтерна, который должен был разрешить многочисленные проблемы от стратегии в новых условиях до тактики раскалывающихся левых партий Европы. Казалось бы, в условиях «отступления» в России и вокруг неё, Коминтерн тоже должен был повернуть вправо. Это произойдет позднее. Но на III конгрессе Коминтерна главной грозой по-прежнему считались реформизм и «центризм». Однако теперь, когда компартии отмежевались от «центристов» организационно, нужно было что-то делать с их сектантством и добиться притока масс в партии.

Л.Д. Троцкий в своем выступлении признавал, что во время Октябрьской революции «путь от захвата власти в нашей стране к такому же акту в странах Средней и Западной Европы казался нам гораздо ближе, чем то было в действительности». Но и в 1921 г. все еще кажется, что волна не спадает: «В 1921 году произошли мартовские бои в Германии, забастовка углекопов в Англии, всеобщая забастовка в Норвегии – три крупнейших факта великой борьбы». Однако Троцкому приходится признать, что «историческая возможность» установить «власть пролетариата» уже во время «первого этапа» натиска в 1918–1919 гг., упущена. Буржуазия получила передышку [Третий

Всемирный Конгресс 1922, с. 28, 44–46]. Но она будет недолгой – как раз на 1922 г., когда предстоят переговоры с капиталистами. Радек тоже ориентировал коммунистов мира на подготовку к гражданской войне, потому что «силы мировой революции продолжают развиваться, и что предстоит не ее упадок, а объединение революционных сил для новых боев» [Третий Всемирный Конгресс 1922, с. 28, 44–46]. Вот каковы были установки коммунистических лидеров, когда они готовились к генуэзским переговорам.

При этом руководители Коминтерна решили публично не осуждать организаторов «мартовской акции», расценив этот провал как «шаг вперед» и «геройскую борьбу сотен тысяч пролетариев с буржуазией» [Коммунистический интернационал 1933, с. 194]. Германских леваков лишь пожурили за недостаточную подготовку восстания. Это способствовало сохранению в германской компартии авантюристического подхода к революционному перевороту, что затем привело коммунистов к поражению в 1923 г.

Верховным судьей в коммунистических спорах оставался Ленин. Он осторожно переключал руль направо. На конгрессе он говорил: «Мы не только осудили наши правые элементы, мы их изгнали. Но если из борьбы против правых устраивать спорт, как Террачини, то мы должны сказать: «Довольно! Иначе опасность станет слишком серьезной!»» [Ленин т. 44., с. 27]. То, что Ленин избрал итальянского коммуниста для показательной порки леваков, говорит о его недовольстве тем, как прошел раскол в Ливорно. На комиссии по тактике конгресса Ленин заявил, что стоит «на стороне правых конгресса» [Ленин 1999, с. 455]. Ленин взял под защиту «Открытое письмо» ОКПГ и, отмежевываясь от Леви, критически высказался о «Мартовской акции», где неоправданно применили «теорию наступления» [там же, с. 25, 29].

III конгресс Коминтерна еще не провозгласил политику создания единого рабочего фронта с социал-демократами. От коммунистов требовали завоевать большинство рабочих на свою сторону, т.е. оттеснить социал-демократов. Но было принято решение поддерживать не только коммунистические, но и частичные требования рабочих в борьбе за социальные права. А это уже создавало основу для тактического сотрудничества с социал-демократами. Как говорилось в резолюции конгресса, «в очень редких случаях» «путем усиления давления на другие партии, опирающиеся на пролетариат, начинать совместную борьбу за ближайшие интересы пролетариата». При этом письмо ОКПГ от 8 января 1921 г. было названо образцовым [Коммунистический интернационал в документах 1933, с. 193]. Это открывало путь к сотрудничеству с социал-демократией, о котором говорилось в этом письме.

Вскоре после завершения III конгресса руководство Коминтерна решило, что настало время сделать решительный поворот в политике к сближению с социал-демократами. Несмотря на то, что Ленин сразу поддержал январское письмо ОКПГ, на конгрессе он не решился поставить вопрос о сотрудничестве

с социал-демократией прямо. Во-первых, это нельзя было делать одновременно с обсуждением мартовского выступления, так как правый поворот означал бы поддержку Леви и Сerratи. Во-вторых, часть делегатов могла прямо выступить против нового курса. Скандал на конгрессе был не нужен. Так что курс на сближение с социал-демократами был провозглашен не на конгрессе, а между конгрессами Коминтерна.

13 июля 1921 г. Малое бюро ИККИ заявило: «Только в борьбе за элементарные жизненные требования рабочих масс мы можем создать единый фронт пролетариата против буржуазии и положить конец расколу пролетариата, являющемуся основой для дальнейшего существования буржуазии». Правда 1 августа ИККИ поправился – коммунистическим и социал-демократическим рабочим нужно объединяться «снизу», против «социал-предательских» вождей социал-демократических партий [цит. по: Ундасынов 1979, с. 155–156].

Но сам ИККИ принялся действовать «сверху». 19 октября он обратился к Амстердамскому интернационалу профсоюзов с призывом к совместным действиям в поддержку пролетариата Испании и Югославии. Ничего экстраординарного в этих странах тогда не происходило, было видно, что Коминтерн просто искал повод для зондажа. Умеренные профбоссы не сочли повод достаточным для изменения отношений с коммунистами.

1 декабря Политбюро ЦК РКП(б) приняло подготовленное Лениным решение представить в ИККИ тезисы о «едином рабочем фронте» [Ленин т. 44, с. 262–265]. 4 декабря они были доложены Зиновьевым в ИККИ [Ватлин 2009, с. 80]. В дискуссии Бухарин выразил сомнение в необходимости отказываться от «клеимления» социал-демократов. Его поддержали представители ФКП, КПЧ и КПГ¹. В результате тезисы были направлены на доработку и одобрены только 18 декабря, но с обязательным утверждением на расширенном пленуме ИККИ в феврале 1922 г. (он их, разумеется, утвердил). Документ назывался «О едином рабочем фронте и об отношении к рабочим, входящим в II, III/2 и Амстердамский Интернационалы, а также к рабочим, поддерживающим анархо-синдикалистские организации». Опубликованы они были только 27 декабря и вызвали сенсацию – коммунисты, которые так упорно отмежевывались от социал-демократов и отказывали им в праве считаться представителями рабочего класса, теперь взяли курс на совместную работу.

Решение о новом курсе Коминтерна было принято вовремя. Верховный совет Антанты наконец отвлекся от германских и турецких дел и выразил готовность заняться восточноевропейским урегулированием и прежде всего – переговорами с Россией. 6 января 1922 г. в Каннах были выработаны условия

1. ОКПГ убрало из названия слово «Объединенная» в августе 1921 г., после чего стала называться просто КПГ.

участия в будущей экономической конференции. 7 января Советская Россия была приглашена на конференцию в Генуе и на следующий день ответила согласием. В этой ситуации умеренный курс Коминтерна можно было использовать в интересах советской внешней политики. Однако это не значит, что она могла полностью подчинить себе другие аспекты коммунистической политики.

Сближение трех интернационалов на фоне Генуэзской конференции

Лидеры Второго интернационала восприняли идею единого фронта скептически. Э. Вандервельде назвал директивы ИККИ «странной смесью гениальности и макиавеллизма», когда призывы к единству сочетаются с открытым стремлением «задушить и отравить нас после объятий» [цит. по: Макдемотт, Ангю 2000, с. 50]. Инициатива «единого фронта» встретила больше энтузиазма у лидеров «двухсполовинного» интернационала – Международного рабочего объединения социалистических партий (МРОСП), возникшего 1 февраля 1921 г. Весь смысл его отдельного существования заключался в том, чтобы создать мост между социал-демократами и коммунистами, объединив рабочий класс и его политических лидеров в общий фронт против капитализма. 15 января 1922 г. МРОСП выступил за созыв конференции рабочих – сторонников трех интернационалов ради «установления единого пролетарского фронта» [Коминтерн и идея мировой революции 1998, с. 367].

21 января 1922 г. Президиум ИККИ одобрил эту инициативу. Правда, подготовленная резолюция ритуально ругала оппортунистических лидеров социал-демократии. Ленин предложил это место вычеркнуть: «Совершенно неразумно рисковать срывом громадной важности практического дела из-за того, чтобы доставить себе удовольствие лишней раз обругать мерзавцев, которых мы ругали и будем ругать в другом месте 1000 раз» [Ленин т. 44, с. 405].

Дело было, однако, не только в удовольствии – коммунистический актив Европы с удивлением смотрел на поворот в политике Коминтерна, и отсутствие привычной ругани против «мерзавцев» не могло остаться незамеченным.

Коммунистам нужно было организовать давление на общественное мнение Запада в поддержку дипломатического признания Советской России на Генуэзской конференции, а социал-демократам – смягчить в ней репрессивный режим. Такой обмен создавал почву для деловых переговоров.

2–5 апреля 1922 г. в Берлине прошла встреча представителей трех интернационалов – Коминтерна, Второго интернационала и МРОСП. Она была посвящена перспективе созыва Всемирного рабочего конгресса и другим возможным формам сотрудничества. Открывая встречу, представитель МРОСП Ф. Адлер призвал участников поставить классовую солидарность выше

партийных интересов. Оглашая позицию Коминтерна, К. Цеткин выдвинула перечень обвинений в адрес социал-демократии, которая несет ответственность и за развязывание Первой мировой войны, и за поражение революционного движения после нее. Но социал-демократия может немного загладить свою вину, если сейчас проявит солидарность с Советской Россией, развернет совместно с коммунистами борьбу за права трудящихся и против грабительского Версальского договора. Обвинения со стороны Цеткин предваряли порцию обвинений в адрес коммунистов со стороны Вандервельде. Он высказал опасение, что предложения Коминтерна – это хитрый маневр большевиков, развязавших репрессии против социалистов в своей стране и кампанию дискредитации социал-демократии в Европе. Чтобы доказать свою добрую волю, коммунисты должны согласиться допустить грузинских социал-демократов на планируемый рабочий конгресс, а представителей социал-демократии – на процесс эсеров в Москве. П. Фор от имени МРОСП в целом поддержал эти тезисы, обличая также притеснения рабочих в Советской России [Коминтерн и идея мировой революции 1998, с. 368; Ватлин 2009, с. 95–98].

Попытка коммунистов поговорить 3 апреля с Адлером сепаратно не помогла уйти от ставшего камнем преткновения «русского вопроса» (точнее – российского и грузинского) – ведь в состав МРОСП входили меньшевики и левые эсеры. Адлер не выдвигал предварительных условий для проведения рабочего конгресса, но через квоту социалистов на него могли явиться представители российских и грузинских меньшевиков и эсеров. Таким образом, перспективы сближения с социалистами в Европе сталкивались с курсом Кремля на предотвращение «политического нэпа» в России и силовым захватом стран бывшей Российской империи. Если буржуазные партнеры Советской России вполне смирились с восстановлением российского контроля над Кавказом, то для социал-демократов оно было свидетельством империализма советской политики. Дальнейшие дебаты также были выдержаны в духе взаимных обвинений.

Но делегация Коминтерна, несмотря на споры в ней между Радеком и Бухариным о том, не сорвать ли такие переговоры (при этом то один, то другой выступали то с более жестких, то с более гибких позиций), согласилась на важные уступки: допустить присланных партнерами адвокатов на процесс эсеров и исключить из лозунгов совместных акций призывы к борьбе с Версальским миром (что было неприемлемо для Второго интернационала, антантовские партии которого этот мир поддерживали). За это и партнеры сняли требование к коммунистам не создавать свои ячейки в профсоюзах и согласились отправить вопрос о Грузии на дальнейшее изучение.

В итоге все же была принята компромиссная резолюция, предложенная МРОСП. Стороны подчеркнули готовность сотрудничать в защите интересов рабочего класса и борьбе за 8-часовой рабочий день и признание Советской

России. Упоминалась и борьба против империалистической экспансии, но учитывая дебаты по грузинскому вопросу, это звучало двусмысленно. Был создан Оргкомитет Всемирного рабочего конгресса из представителей трех интернационалов («девятки»). Представители Коминтерна согласились допустить в качестве защитников представителей социал-демократии на проходивший в Москве процесс эсеров и отказались от применения смертной казни к подсудимым. Договорились о проведении 20 апреля и 1 мая демонстраций в разных странах против наступления международного капитала. Среди их лозунгов был и такой: «За русскую революцию, за голодающую Россию, за возобновление политических и экономических отношений всех стран с Советской Россией». Очевидно, что эти выступления должны были оказать воздействие на европейские правительства во время Генуэзской конференции. Коммунисты предпочли бы приурочить и сам Рабочий конгресс ко времени Генуи, но представители Второго интернационала сочли, что за такой короткий срок собрать ее не удастся [Коминтерн и идея мировой революции 1998, с. 379–381].

Ленин счел уступки коммунистической делегации чрезмерными и 9 апреля опубликовал статью «Мы заплатили слишком дорого», где прямо утверждал, что «наши представители поступили неправильно» [Ленин т. 45, с. 140]. По мнению А.Ю. Ватлина, «в статье Ленина вопросы государственной безопасности и престижа рассматривались уже как приоритетные по отношению к коммунистической тактике» [Ватлин 2009, с.101]. Но за государственным престижем крылась коммунистическая стратегия – в советской стране нельзя допускать существования оппозиционных партий. По мнению А.Ю. Ватлина, «тон статьи показывал, что Ленин размышлял и о возможности дезавуирования соглашения, подписанного на встрече в Берлине. Осудив уступки, сделанные делегацией Коминтерна в ходе Берлинской встречи, он все же признал ее итоги» [там же]. Здесь также можно усмотреть элемент маневрирования между внутривнутриполитическими и внешнеполитическими задачами. Строго указав на недопустимость уступок во внутривнутриполитическом курсе, «политического нэпа», Ленин не стал отказываться и от сближения с социалистами – пока не закончилась Генуэзская конференция, которая как раз стартовала на следующий день – 10 апреля.

Как известно, Ленин занимал более жесткую позицию в отношении партнеров по переговорам в Генуе, чем Г.В. Чичерин. Если нарком иностранных дел был настроен на возможность достижения соглашения на основе экономических уступок при минимальных политических, то Ленин стремился прежде всего использовать трибуну конференции в агитационных целях, раскалывать «фронт империализма» с тем, чтобы договориться потом с отдельными западноевропейскими государствами [подробнее см.: Быстрова 2020, с. 56–59, 129–132]. Позиция Ленина в этом вопросе скорее коминтерновская, чем государственническая. Сближение с социалистами, которые занимали

сильные позиции в системе власти западноевропейских государств, работало на такой раскол. Поэтому Ленин согласился, хотя и нехотя, на уступки социалистам, категорически протестуя против политических уступок партнерам по межгосударственным переговорам. Пока ситуация в Генуе оставалась неопределенной, необходимо было наращивать давление на западные элиты, в том числе и с помощью социалистов.

20 апреля, когда советская делегация в Генуе выступила с меморандумом, содержащим важные экономические уступки и, таким образом, рассчитанным на встречные шаги прежде всего британской стороны, Радек обратился к Адлеру с предложением создать «девятку» «для оценки ситуации, возникшей в Генуе» [Ватлин 2009, с. 102]. Но развязка переговоров в Генуе наступила быстрее, чем собралась «девятка», и заинтересованность Москвы в использовании этого инструмента давления на Запад стала ослабевать.

Левые демонстрации 1922 г. не стали крупным явлением общественной жизни европейских стран, превышающим обычное значение традиционного первомай. Однако согласованные на встрече представителей трех интернационалов лозунги манифестантов позволили советской делегации сослаться на них как на факт в меморандуме советской делегации на Генуэзской конференции от 11 мая [Документы внешней политики СССР, т. 4. 1960, с. 364].

19 мая закончилась Генуэзская конференция. 23 мая прошла первая, она же и последняя встреча «девятки». Представители Второго и Третьего интернационалов обвинили друг друга в срыве Берлинских соглашений. В итоге они были аннулированы Коминтерном (хотя и выполнялись в отношении осужденных на процессе эсеров, смертные переговоры которым не были приведены в исполнение).

С точки зрения интересов советской внешней политики, если бы дело было только в них, можно было бы сказать о «едином фронте», что «мавр сделал свое дело». Но дело было не только в них. Даже уступки российской делегации облегчались тем, что в Кремле ждали новой волны мировой революции в ближайшие годы, если не месяцы. Важно получить от Запада ресурсы сейчас на стабилизацию хозяйства – рассчитывать по долгам возможно и не придется. Размышляя в логике мировой борьбы, а не только российских интересов, руководители РКП(б) продолжали курс «единого рабочего фронта», но в новом формате.

Закрепление политики «единого рабочего фронта» IV конгрессом Коминтерна

Первые итоги проведения политики «единого фронта» подводил IV конгресс Коминтерна. Он прошел 5 ноября – 5 декабря 1922 г. Выступая на конгрессе, Зиновьев говорил о текущей эпохе как о «последнем десятилетии

господства буржуазии» [Зиновьев 1923, с. 169], что для того времени было довольно осторожным назначением сроков начала решающих битв с капитализмом.

Советские лидеры «ставили» на приход к власти на Западе пацифистов и реформистов, т.е. лево-либеральных и правых социал-демократических сил, отражающих усталость общества от имперской политики времен войны и послевоенного недоурегулирования. Эти силы явно не будут стремиться «дожать» Советскую Россию и предпочтут договориться с ней, что подтверждает опыт Рапалло. Теперь важно не спугнуть такую благоприятную внешнеполитическую конъюнктуру, которая позволит довести политику, начатую большевистской делегацией в Генуе, до успешного финала – государственного признания и получения финансовых кредитов. Такая перспектива требовала укрепления политики «единого фронта». Хотя переговоры с социал-демократами на уровне интернационалов закончились неудачей, на местном уровне «единый фронт» мог укреплять позиции коммунистов в преддверии нового наступления. Да и внешнеполитической активности Советской России посодействовать.

С обоснованием «единого фронта» на конгрессе выступал его главный идеолог Радек. Он доказывал, что «единый фронт» необходим, потому что коммунистическое движение вынуждено обороняться. Пока ситуация неблагоприятна, нужно маневрировать, искать союзников. «Единый фронт» как раз и является политикой обороны: «выдвинув тактику единого фронта, Коминтерн доказал, что он в состоянии руководить не только наступлением, но и обороной пролетариата». В связи с новой обстановкой Радек осудил мартовское выступление 1921 г. в Германии, «недоосужденное» на прошлом конгрессе: «Главная ошибка мартовских боев состояла именно в том, что мы пытались заменить борьбу широких масс волей к борьбе нашей партии» [IV Конгресс Коминтерна 1923, с. 124–172]. Еще бы, после нормализации отношений с Германией в Рапалло следовало делать компартию Германии более уважаемой и вписанной в политическую систему Германии – пока не принято решение о ее разрушении.

Но осуждение мартовской акции не могло понравиться Зиновьеву, прежде активно защищавшему германских радикалов. Разногласия между Зиновьевым и Радеком, о которых открыто говорилось через полтора года, позволяют некоторым современным авторам говорить о настоящей фракционной борьбе на конгрессе между «правыми» и «левыми» с различными политическими установками [Емельянова 2019, с. 84]. Разногласия пока были скорее рабочими, чем принципиальными. Так, Зиновьеву на этом конгрессе приходилось сочетать свои собственные взгляды и партийную дисциплину. Он признавал, что в случае успеха «единого рабочего фронта» может возникнуть «рабочее правительство». Сам он воспринимал этот вынужденно признаваемый им

тезис «исключительно как применение диктатуры пролетариата» [Зиновьев 1923, с. 91]. Но в ходе обсуждения признал и совсем другую трактовку – это коалиция левых сил с участием коммунистов. «Такая возможность мыслима. Такое правительство уже не есть диктатура пролетариата, но оно может быть исходной точкой на пути к диктатуре. Если дело пойдет хорошо, то мы будем выводить одного социал-демократа за другим из этого правительства, пока власть не окажется в руках коммунистов» [там же, с. 104]. Подобный метод прихода к власти, известный впоследствии как «тактика салями», коммунисты потом успешно применяли в странах «народной демократии» в 1940-е годы, правда уже после того, как Сталин применил его против своих коллег по Политбюро, включая и самого Зиновьева. В 1922 г. Зиновьев держал в уме опыт 1917–1918 гг., когда Ленин иногда был не против временной блокировки с меньшевиками и эсерами с тем, чтобы потом власть все же перешла к большевикам, а «попутчиков» следовало выкинуть за борт власти, как это случилось с левыми эсерами. Но важно, что Зиновьев признает здесь нетождественность понятий «диктатуры пролетариата» и «рабочего правительства», отступает от своего прежнего категорического их отождествления. Делает он это, очевидно, под давлением других членов большевистского руководства, управляющего ходом конгресса. Зиновьев идет дальше и признает, что «рабочее правительство» может выйти «из парламентской группировки сил» [там же, с. 164], т.е. прийти к власти парламентским путем, а потом уже активизировать революционную рабочую борьбу. Через год такая попытка будет предпринята в Саксонии и Тюрингии в ходе неудачного «германского октября» 1923 г., и на следующем конгрессе Коминтерна Зиновьев и его сторонники будут клеймить этот опыт.

Подытожив дискуссии о «едином фронте», IV конгресс все же признал возможность не только переманивания рабочих «снизу», но и договоренностей с социал-демократами «сверху»: «Выдвигая лозунг единого рабочего фронта и допуская соглашения отдельных секций Коммунистического интернационала с партиями и секциями II и II½ Интернационалов, Коммунистический интернационал, само собою разумеется, не может отказаться от таких же соглашений и в международном масштабе» [Коммунистический интернационал в документах 1933, с. 309].

Это было возможно в случае нового подъема революционной волны, ожидавшегося в скором времени. Если удастся вместе с социал-демократами создать рабочее правительство, оно займется вооружением пролетариата и разоружением контрреволюции, установит контроль над производством, свалит налоговое бремя на буржуазию, сломит сопротивление контрреволюции. То есть левая коалиция будет делать то, что большевистская «диктатура пролетариата» делала в первые месяцы Советской власти в союзе с левыми эсерами. Такое правительство «возможно лишь в том случае, если оно рождается

из борьбы самих масс» с опорой на «боеспособные рабочие органы». Но в той же фразе тезисов ИККИ, принятых конгрессом, происходит внезапный переход. И получается, что такое правительство может возникнуть и в другом случае – на основе «парламентской группировки сил» [Коммунистический интернационал в документах 1933, с. 301]. Избавляясь от «центризма», лидеры Коминтерна не спешили отказаться от парламентских методов в борьбе за власть в европейских странах. После конгресса Коминтерна съезд КП Чехословакии охарактеризовал рабочее правительство как «мирный переход к диктатуре пролетариата», политику «в рамках и в первую голову средствами буржуазной демократии, опираясь на пролетарские органы и пролетарское массовое движение» [цит. по: Пятый Всемирный конгресс 1925, ч. 1. с. 74]. Несмотря на оговорки Радека и Зиновьева о неизбежности гражданской войны, «мирный путь» после IV конгресса закрепился в арсенале коммунистов.

Политика, обсуждавшаяся на IV конгрессе Коминтерна, наконец синхронизировала три стороны единой коммунистической стратегии. Её ядром являются задачи укрепления коммунистического режима там, где он существует – в Советских республиках. Никаких политических послаблений там не предусматривается, «политическому нэпу» не бывать, даже если бы это способствовало успехам внешней политики как советского государства, так и Коминтерна. Но экономические уступки вполне возможны, если они не обусловлены политическими требованиями к России и не требуют от нее немедленной выплаты долгов – такова линия Генуи. Поскольку в Европе усиливается либеральный пацифизм, неудача Генуи не является стратегической, возможности для признания Советской России сохраняются. Но если в ближайшее время произойдет новая дестабилизация капиталистической системы и радикализация масс (на что в 1922 г. у коммунистов еще были основания надеяться), то коммунисты могут возглавить революционный подъем в союзе с левым крылом социалистов, одновременно переманивая у них массы. Если такой союз приведет к возникновению коалиции с социалистами – ее ждет та же судьба, что и союз большевиков с левыми эсерами – постепенное выдавливание партнеров из системы власти и создание коммунистического режима по образцу Советской России. Умеренность здесь является тактикой, а не стратегией, дорогой к власти, а не характеристикой самой власти, которую стремится установить в Европе Коминтерн. Опробовать такой «единый фронт» коммунисты попробовали в Германии в октябре 1923 г. После провала этой попытки и одновременного раскола большевиков в связи с внутрипартийной дискуссией произошел отход от курса IV конгресса. На V конгрессе Коминтерна в 1924 г. (когда уже началась «полоса признаний»), Зиновьев уже открыто критиковал Радека за протаскивание в решения IV конгресса «утрированных, неосторожных и фальшивых формулировок» [цит. по: Пятый Всемирный конгресс 1925, ч. 1. с. 75]. Хотя официального отказа от политики «единого рабочего фронта»

не произошло, ей предстояло ждать своего часа в «замороженном» состоянии до середины 30-х годов [Шубин 2017, с. 111–123].

Библиография

Быстрова Н.Е. Советская Россия на конференциях в Генуе и Гааге 1922 г.: взгляд из Кремля. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 280 с.

Ватлин А.Ю. Второй конгресс Коминтерна: точка отсчета истории мирового коммунизма. М.: РОССПЭН, 2019. 173 с.

Ватлин А.Ю. Коминтерн: идеи, решения, судьбы. М.: РОССПЭН, 2009. 374 с.

Дмитриев А.Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа. 1920–1930-е гг. СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге. Летний сад, 2004. 528 с.

Документы внешней политики СССР. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. 840 с.

Емельянова Е.Н. IV Конгресс коминтерна. поворот от революционного наступления к обороне // Левая альтернатива в XX веке: драма идей и судьбы людей. Материалы Международной научной конференции. Москва, 2019 г. С. 58–60.

Зиновьев Г.Е. Коммунистический Интернационал за работой. Тактические проблемы Коминтерна и работа его секций. Речи, произнесенные на IV конгрессе Коминтерна. М., – Пг.: Государственное издательство, 1923. 295 с.

История Коммунистического Интернационала 1919–1943: Документальные очерки. М.: Наука, 2002. 412 с.

Итальянская социалистическая партия и Коммунистический Интернационал: (Сборник материалов). Пг.: Издание отдела Коммунистического Интернационала, 1921. 192 с.

Коминтерн и идея мировой революции: Документы. М.: Наука, 1998. 949 с.

Коммунистический интернационал. Краткий исторический очерк. М.: Политиздат, 1969. 600 с.

Коммунистический интернационал в документах. 1919–1932. М.: Партийное издательство, 1933. 1016 с.

Левая альтернатива в XX веке: драма идей и судьбы людей. К 100-летию Коминтерна. Сборник докладов Международной научной конференции. Москва, 26–28 июня 2019 г. М.: РОССПЭН, 2020. 407 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 44. URL: <https://nlr.ru/domplekhanova/72/chitalnyiy-zal> (дата обращения: 05.04.20230).

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 45 URL: <https://nlr.ru/domplekhanova/72/chitalnyiy-zal> (дата обращения: 05.04.20230).

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 52. URL: <https://nlr.ru/domplekhanova/72/chitalnyiy-zal> (дата обращения: 05.04.20230).

Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М.: РОССПЭН, 1999. 671 с.

Макдермотт К., Агню Дж. Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина. М.: АИРО-XX, 2000. 224 с.

Пятый Всемирный конгресс Коммунистического интернационала 17 июня – 8 июля 1924 г. Стенографический отчет. М.-Л.: Государственное издательство, 1925. Часть 1. 338 с.

Третий Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. Пг.: Государственное издательство, 1922. 511 с.

Ундасынов И.Н. Коммунисты и лейбористская партия 1919–1923. М.: Наука, 1979. 266 с.

IV Конгресс Коминтерна. Доклады тт. Ленина, Троцкого, Клары Цеткин и других. (Стенографический отчет). Харьков: Пролетарий, 1923. 204 с.

Шубин А.В. Мир на пути к войне. Советский Союз и мировой кризис 1933–1940 гг. М.: Алгоритм, 2017. 496 с.

Шубин А.В. Мировая революционная волна (1918–1923 гг.). Прилив. М.: Академический проект, 2020. 773 с.

Deutschland, Russland, Komintern – Dokumente (1918–1943). Germany, Russia, and the Comintern. II: Documents (1918–1943): After the Archival Revolution: Newly disclosed sources about the history of the German Communist Party (KPD) and Russo-German relations. Nach der Archivrevolution: Neuerschlossene Quellen zu der Geschichte der KPD und den deutsch-russischen Beziehungen. Edited by: Hermann Weber, Jakov Drabkin and Bernhard H. Bayerlein, Compiled by: Bernhard H. Bayerlein and Gleb Albert. Oldenbourg: De Gruyter, 2015, 1856 p.

References

By`strova N.E. Sovetskaya Rossiya na konferenciayah v Genue i Gaage 1922 g.: vzglyad iz Kremlya. [Soviet Russia at the conferences in Genoa and The Hague in 1922: a view from the Kremlin]. М., SPb.: Centr gumanitarny`x iniciativ, 2020. 280 p. (In Russ.).

Deutschland, Russland, Komintern – Dokumente (1918–1943). Germany, Russia, and the Comintern. II: Documents (1918–1943): After the Archival Revolution: Newly disclosed sources about the history of the German Communist Party (KPD) and Russo-German relations. Nach der Archivrevolution: Neuerschlossene Quellen zu der Geschichte der KPD und den deutsch-russischen Beziehungen. Edited by: Hermann Weber, Jakov Drabkin and Bernhard H. Bayerlein, Compiled by: Bernhard H. Bayerlein and Gleb Albert. Oldenbourg: De Gruyter, 2015, 1856 p.

Dmitriev A.N. Marksizm bez proletariata: Georg Lukach i rannyya Frankfurtskaya shkola. 1920–1930-e gg. [Marxism without the proletariat: Georg Lukacs and the early Frankfurt School. 1920–1930s]. SPb.; М.: Evropejskij universitet v Sankt-Peterburge. Letnij sad, 2004. 528 p. (In Russ.)

Dokumenty` vneshnej politiki SSSR [Documents of foreign policy of the USSR]. T. 4. М.: Gosudarstvennoe izdatel`stvo politicheskoy literatury`, 1960. 840 p. (In Russ.)

Emel`yanova E.N. IV Kongress Komintern. Povорот ot revolyucionnogo nastupleniya k oborone. [IV Congress of the Comintern. turn from revolutionary offensive to defense] // Levaya al`ternativa v XX veke: drama idej i sud`by` lyudej. Materialy` Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva, 2019. P. 58–60. (In Russ.)

Istoriya Kommunisticheskogo Internacionala 1919–1943: Dokumental`ny`e ocherki [History of the Communist International 1919–1943: Documentary Essays]. М.: Nauka, 2002. 412 p. (In Russ.)

Ital`yanskaya socialisticheskaya partiya i Kommunisticheskij Internacional: (Sbornik materialov) [Italian Socialist Party and the Communist International: (Collection of Materials)]. Pg.: Izdanie otдела Kommunisticheskogo Internacionala, 1921. 192 p. (In Russ.)

Komintern i ideya mirovoj revolyucii: Dokumenty` [The Comintern and the Idea of the World Revolution: Documents]. М.: Nauka, 1998. 949 p. (In Russ.)

Kommunisticheskij internacional. Kratkij istoricheskij ocherk [Communist International. Brief historical outline]. М.: Politizdat, 1969. 600 p. (In Russ.)

Kommunisticheskij internacional v dokumentax [The Communist International in Documents. 1919–1932]. 1919–1932. М.: Partijnoe izdatel`stvo, 1933. 1016 p. (In Russ.)

Levaya al`ternativa v XX veke: drama idej i sud`by` lyudej. K 100-letiyu Komintern. Sbornik dokladov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [The Left Alternative in the 20th Century: The Drama of Ideas and the Destiny of People. To the 100th anniversary of the Comintern. Collection of

reports of the International scientific conference]. Moskva, 26–28 iyunya 2019 g. M.: ROSSPEN, 2020. 407 p. (In Russ.)

Lenin V.I. Neizvestny'e dokumenty` [Unknown documents. 1891–1922]. M.: ROSSPEN, 1999. 671 p. (In Russ.)

Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij [Complete Works]. Vol. 44. URL: <https://nlr.ru/domplekhanova/72/chitalnyiy-zal> (data obrashheniya: 05.04.20230). (In Russ.)

Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij [Complete Works]. Vol. 45. URL: <https://nlr.ru/domplekhanova/72/chitalnyiy-zal> (data obrashheniya: 05.04.20230). (In Russ.)

Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij [Complete Works]. Vol. 52. URL: <https://nlr.ru/domplekhanova/72/chitalnyiy-zal> (data obrashheniya: 05.04.20230). (In Russ.)

Makdermott K., Agnyu Dzh. Komintern. Istoriya mezhdunarodnogo kommunizma ot Lenina do Stalina [Comintern. History of International Communism from Lenin to Stalin]. M.: AIRO–XX, 2000. 224 p. (In Russ.)

Pyaty`j Vsemirny`j kongress Kommunisticheskogo internacionala 17 iyunya – 8 iyulya 1924 g. Stenograficheskij otchet [Fifth World Congress of the Communist International June 17 – July 8, 1924 Verbatim record]. M.-L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925. 963 p. (In Russ.)

Shubin A.V. Mir na puti k vojne. Sovetskij Soyuz i mirovoj krizis 1933–1940 gg [World on the way to war. The Soviet Union and the World Crisis of 1933–1940]. M.: Algoritm, 2017. 496 p. (In Russ.)

Shubin A.V. Mirovaya revolyucionnaya volna (1918–1923 gg.) [World revolutionary wave (1918–1923)]. Priliv. M.: Akademicheskij proekt, 2020. 773 p.

Tretij Vsemirny`j Kongress Kommunisticheskogo Internacionala. Stenograficheskij otchet [Third World Congress of the Communist International. Verbatim report]. Pg.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1922. 511 p. (In Russ.)

Undasy`nov I.N. Kommunisty` i lejboristskaya partiya 1919–1923 [Communists and the Labor Party 1919–1923]. M.: Nauka, 1979. 266 p. (In Russ.)

Vatlin A.Yu. Vtoroj kongress Kominterna: tochka otscheta istorii mirovogo kommunizma [The Second Congress of the Comintern: the starting point of the history of world communism]. M.: ROSSPE`N, 2019. 173 p. (In Russ.)

Vatlin A.Yu. Komintern: idei, resheniya, sud'by` [Comintern: ideas, decisions, fates]. M.: ROSSPE`N, 2009. 374 p. (In Russ.)

Zinov`ev G.E. Kommunisticheskij Internacional za rabotoj. Takticheskie problemy` Kominterna i rabota ego sekcij. Rechi, proiznesenny`e na IV kongresse Kominterna [IV congress of the Comintern. Turn from revolutionary offensive to defense]. M., – Pg.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1923. 295 p. (In Russ.)

IV Kongress Kominterna. Doklady` tt. Lenina, Troczkogo, Klary` Cetkin i drugix. (Stenograficheskij otchet) [IV Congress of the Comintern. Reports vols. Lenin].

Trotsky, Clara Zetkin and others. (Verbatim report)]. Xar`kov: Proletarij, 1923. 204 p. (In Russ.)